

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-181-189>

УДК 82-146.2

ББК 85.314

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. А. С. Репина

г. Москва, Россия

НАРОДНАЯ АДАПТАЦИЯ СЕНТИМЕНТАЛЬНОГО РОМАНСА М. В. ЗУБОВОЙ «Я В ПУСТЫНЮ УДАЛЯЮСЬ»

Аннотация: В статье собраны и проанализированы фольклорные адаптации XIX–XX вв. сентиментального романса М. В. Зубовой «Я в пустыню удаляюсь». Трансформация авторского произведения в народной песенной и театральной культуре демонстрирует сложное взаимодействие фольклора и книжной поэзии. Биография автора — представительницы артистической среды и одной из немногих женщин-поэтов конца XVIII в. — отражена в некоторых журнальных («Материалы для истории русских женщин-авторов» М. Н. Макарова) и художественных («Русские женщины нового времени» Д. Л. Мордовцева) источниках, подтверждающих возможное авторство поэтессы. В исследовании выделены стилистические особенности любовной, духовной и тюремной лирики, а также произведение народного театра, использующее изучаемый текст. Женские любовные, в том числе «наборные» хороводные песни варьируют мотив неверности, преобразуют духовный смысл образа пустыни в символ супружеского одиночества.

В старообрядческой среде произведение включалось в духовные песни, развивающие мотив отречения от мирского в пустыне. Исследователь П. А. Бессонов рассуждает о губительном воздействии «псевдонародной» песни на русскую духовную культуру. Отголоски сентиментального романса можно найти также в тюремной лирике XX в., собранной от сибирского сказителя И. К. Бекетова. Заключительная часть исследования посвящена народной драме «Царь Максимилиан», где цитируемый текст предстает в качестве прецедентного для русской культуры, что подтверждается впоследствии его активным использованием в многочисленных художественных произведениях уже в качестве народного.

Ключевые слова: российская песня, романс, народная песня, духовная лирика, тюремная песня, прецедентный текст, женская поэзия.

Информация об авторе: Анастасия Сергеевна Репина — аспирантка, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-9145-1933>

E-mail: a.s.repina@mail.ru

Дата поступления статьи: 23.11.2021

Дата одобрения рецензентами: 31.12.2021

Дата публикации: 28.06.2023

Для цитирования: Репина А. С. Народная адаптация сентиментального романа М. В. Зубовой «Я в пустыню удаляюсь» // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 181–189. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-181-189>

Важным феноменом словесной культуры второй половины XVIII в. является мода на «российскую песню», распространившуюся во множестве сборников, составляемых выходцами из академической или артистической среды (М. Д. Чулков, Н. А. Львов и др.). Авторы и собиратели отличала симпатия к текстам, преломляющим народные лирические мотивы. Часто в сборниках не различались жанр песни и романа, проявлялась неустойчивость понятия авторства. В дальнейшем претенциозные поэтические обороты речи, псевдонародные стилистические фигуры переходили обратно в фольклор, окончательно утрачивая авторскую принадлежность, преобразовываясь внутри культуры городского романа или крестьянской песни. Особенности данного процесса можно проследить на примере сочинения М. В. Зубовой «Я в пустыню удаляюсь», продолжавшего долгий путь от «великосветских вечеров» до сибирской каторги, нередко становившегося предметом писательской ностальгии и, в конце концов, сократившегося до двух первых строк.

Женская песня XVIII в. начала свое развитие в артистической среде: известны сочинения Е. С. Сандуновой, П. И. Ковалевой-Шереметевой и др. М. В. Зубова, урожденная Римская-Корсакова, по утверждению Н.И. Новикова, была известной певицей и автором «разных весьма изрядных стихотворений», а часть ее сочинений была включена в сборник «Собрания разных песен» (1770) М.Д. Чулкова [11, с. 38]. О внезапной смерти поэтессы, «умной и любезной женщиной во вкусе г-на Мортеля», сообщает Ф. В. Ростопчин в письме С. Р. Воронцову [2, с. 342–343]. Биографические сведения о сочинительнице скудны, как и доказательства авторской принадлежности песни «Я в пустыню удаляюсь», которая отчасти подтверждается статьями М. Н. Макарова в приложенных к «Дамскому журналу» «Материалах для истории русских женщин-авторов» (1830), а также Д. Л. Мордовцевым в труде «Русские женщины нового времени»: «Песенка эта пелась и при дворе, и в высших аристократических домах, <...> перешла в самые отдаленные уголки России, пелась потом во всех захолустьях и до настоящего времени поется чувствительными попадьями старинного покроя в самых далеких уголках Русской земли» [10, с. 166]. Традиция произведения, вероятно, берет свое начало в духовных стихах о пустынножительстве. Тем не менее, религиозно-философские вопросы поднимаются в тексте имплицитно, тогда как значительное развитие получает любовная коллизия, усиленная противостоянием автора ложным ценностям светского общества. Песня представляет собой монолог лирической героини, обращенный к возлюбленному, которого она оставляет ради жизни в уединении:

Пременишь нельзя предела,
Нельзя страсти истребить.
Знать, судьба мне так велела,
Чтоб в пустыне одной жить [7, с. 13].

Оригинальный вариант текста можно встретить в ряде сборников XVIII–XIX вв., среди которых «Русская песня XVIII века» И.Д. Герстенберга; первая книга «Песен для русского народа» М. Смирдина (1859); «Подарок любителям пения», собранный Обществом любителей пения и музыки (1876 г.) и др. История публикаций и музыкаль-

ного бытования песни в XVIII–XIX вв. подробно изложена в статье Т. С. Молчановой «Два века песни М. В. Зубовой» [3], тогда как данное исследование касается преимущественно народных адаптаций романса в XIX–XX вв. и становления его как прецедентного для русской культуры текста.

Фольклорные варианты произведения развивают три основных темы: 1) любовную, 2) духовную и 3) арестантскую. Можно сказать, что сложная душевная коллизия героини, способствующая созданию драматического напряжения, в народной культуре распадается на простые элементы в зависимости от социальной принадлежности исполнителей: разлука с любимым, отречение от мирского, подневольность.

Первая часть сборника «Песен, собранных П. В. Киреевским» (1874) содержит текст, совмещающий выдержки сразу нескольких популярных в XVIII в. песен. Содержание такого поэтического попури, являющегося, по всей видимости, «наборной» хороводной песней, складывается из обращения лирической героини к сизому голубочку с просьбой лететь в высокий терем, где живет ее любимый, и убедиться в его верности: в случае, если любовь не взаимна, посланник улетает глубоко в лес, где растет ракитовый кусточек, а сама героиня удаляется в пустыню:

Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест;
Разводную себе получила
От закона своего [12, с. 111].

Мотив невзаимной любви раскрывается в записи, собранной С. М. и Р. Н. Слонимскими от ансамбля с. Николаевского Лужского района Ленинградской области в 1975 г. [4, с. 24]. Народные варианты романса, развивающие любовную тематику, как правило, сохраняют форму стиха, ритмический рисунок и мелодический контур. Сборники с нотными записями к песне приобретают традиционные повторы и дополняются народными элементами: специфическими словоформами и фонетикой, союзами и частицами. Философское содержание текста М. В. Зубовой упрощается: героиня ищет уединения в «чистом поле» в тоске несчастной любви, а образ пустыни символизирует одиночество:

Я в пустыню удалюся, да
От прекрасных здешних мест.
Пременишь-то нельзя придумать,
Нельзя страсти изменить.
Пременишь то нельзя придумать.
Нельзя страсти изменить.
Знать судьба-та мне так велела,
Чтоб одной в пустыне жить.
<...>
Пойду с горя в чисто поле, да
Скуку с горем разведу [4, с. 638].

Неясность в определении авторства вносит дополнительные текстологические трудности в вопрос о том, руководствовалась ли поэтесса определенными покаянными

стихами о пустынножительстве или приводимый далее текст является народной адаптацией произведения М.В. Зубовой. В труде «Русская народная песня. Неизвестные страницы музыкальной истории» под редакцией В. А. Лапина публикуются рукописные песенники, один из которых, известный как «вологодский», был составлен на территории Великого Устюга и поступил в собрание Публичной библиотеки Санкт-Петербурга в 1890-м г. (ОР РНБ, О. XIV.17, л. 39). Основное содержание его — рукописные покаянные псалмы, традиционные колядки. Последняя страница содержит вклеенный печатный лист с духовной песней — образцом «устно-письменной культуры книжного текста» [5, с. 27]:

Я в пустыню удаляюсь,
От мирских бегу сует.
Той я мыслью затешаюсь,
Что спасенья в мире нет.
Живучи в уединенье,
К Богу всей душой стремлюсь,
Все мое в том попеченье,
Со страстями я борюсь [5, с. 23].

Исследователь Т. С. Молчанова приводит еще один источник данного варианта в рукописи «Духовные канты при случае приятных беседы» (ОР РНБ, Тит. 2419, л. 11об – 12) и указывает на сохранение ритмической и мелодической составляющей текста при полной утрате изначального содержания, за исключением первой строки.

О популярности данной песни в старообрядческой и монашеской среде свидетельствует включение ее в фундаментальный труд П.А. Бессонова «Калики переходные» (1863). Ученый подробно комментирует «религиозную» переработку произведения, резко негативно отзываясь о влиянии псевдонародного романса на русские духовные песнопения: «Спрашивается, наше народное творчество, наши Стихи с их напевами, читавшиеся всегда как дело священное, могли ли дать какой-либо повод к такой безобразной профанации, прикрывавшейся еще сладостью романтического чувства, и могла ли Великая Русь, по типу своему, истории и преданиям, без помощи и примера выходцев пуститься на подобную проделку?» [1, с. 45]. Исследователь не сомневается в происхождении романса М.В. Зубовой: «Стих о пустынножительстве переделан в сочиненную песню, столь же известную, <...> и напев прямо взят из духовного песнопения, распространившегося в Итальянских нотах через Псалмы и Канты» [1, с. 45–46]. Более того, собиратели духовных сборников, по мнению П.А. Бессонова, «поправляя» тексты, переписывают их полууставом и «поют по крюкам», возвращая чужеродным произведениям почтенный вид русской старины, нарушая тем самым аутентичность русского духовного стиха [1, с. 46].

Последний тематический блок текстов, заимствующий поэтические формулы произведения М.В. Зубовой, принадлежит к неожиданной для сентиментального романса среде блатной песни XX в. Опубликованный в 1966 г. сборник «Русский фольклор Тункинской долины» содержит текст, записанный от сказителя Ивана Куприяновича Бекетова, бывшего рядового Красной Армии, попавшего в Тувинский край после событий гражданской войны. Здесь он остался жить вместе со своей семьей, осваивая местный песенный фольклор и предания. В репертуар его входили песни лирические, солдатские, городские романсы и произведения о ссылке и каторге, записанные дважды

в 1959-м и 1963-м гг. (РО БКНИИ, инв. № 2868, п. 10, л. 128). Песня «тюремной неволи» почти полностью повторяет в сокращенном виде романс М.В. Зубовой:

Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест,
Здесь собранье, здесь веселье,
Здесь и радости живут.
А меня на зло мученье
В место страшное везут.
Оставляю дом любезный,
Оставляю и того,
Кто на свете всех милее,
Кто дороже мне всего.
Там встретят люди меня злые
И скажут: «Ты для нас чужой».
Но в тех местах уединенных
Вообразать буду тебя,
И спою я песен звонких
И всплакну, вспомнив тебя [13, с. 174].

Лексический состав упрощен, редуцирован смысл абстрактных выражений, слова заменены на более употребительные. Образ «любезного града», полного собраний и веселий, конкретизирован, заменен на узкий и понятный образ дома. Страх перед «пустыней» и одиночеством выражен прямой речью встречающих лирического героя «злых» людей: «Ты для нас чужой». Чужеродные тексту строки сбивают ритм стиха, разрушают стройную рифму. Драматическое напряжение последнего прощания в песне смягчается при помощи традиционной формулы: «И спою я песен звонких». Возможно, автор текста не помнил финальных строк оригинального произведения, песня резко обрывается в момент появления слез.

Приятная для слуха, насыщенная абстрактными образами, лишенная конкретики, не принадлежащая в полной мере ни к молитвенной, ни к философской лирике песня М.В. Зубовой стала универсальным материалом для множества фольклорных интерпретаций, не обойдя стороной народный театр, повторившись в песне Адольфа в драме «Царь Максимилиан». Текст звучит в момент ареста по религиозным причинам царем родного сына, на что отпрыск отвечает:

Я в темницу удаляюсь
От прекрасных здешних мест,
Сколько горестей смертельных
Я в разлуке должен снести.
Оставляю град любезный
И тебя, родитель мой.
<...>
Знать, судьба моя такая,
Что в разлуке жить с тобой [14, с. 142].

Песня резко выделяется из раешного стиха пьесы, по всей видимости, открывает ее кульминационную часть. Учитывая широкую осведомленность публики об «истин-

ном» содержания текста, нельзя не почувствовать явный комический эффект такого цитирования. Функционирование текста в языке народного театра уже свидетельствует о его прецедентности. Как правило, выражение «Я в пустыню удаляюсь» свидетельствует о шутовском намерении героя скрыться от неприятных для него жизненных обстоятельств. Например, в «Шуточных сценах» Н. А. Лейкина встречаем:

Бесприданница невеста,
Не имея тысяч ста,
То же, что жених без места,
Что сорока без хвоста!
Откровенно объявляю-сь,
Что я враг таких невест,
И в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест [8, с. 211–212].

В заключение стоит посвятить несколько слов отражению романа М. В. Зубовой в авторских художественных произведениях, изображающих популярный романс уже как достояние народной культуры. Роман «В лесах» дилогии П. И. Мельникова-Печерского хранит эпизод, где главный герой Патап Максимович Чапурин находит рукописную тетрадку дочери Насти, в которой помимо духовных стихов и псалмов находит стихотворение под заголовком «Похвала пустыни», романтическое содержание которого заставляет строгого отца негодовать:

Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест.
Сколько горести напрасно
Я в разлуке с милым должна снести... [9, с. 11].

Под заголовком другого духовного стиха в произведении скрывалась слегка трансформированная песня М. В. Зубовой, отнюдь не утратившая любовной тематики, несмотря на принадлежность героини к старообрядческой среде, в которой произведение функционировало именно в его «духовной» адаптации. Данный текст для героини обладает пророческой функцией.

Другой пример народного варианта песни поэтессы можно встретить в первой части романа А. В. Амфитеатрова «Сестры», где в рукописной тетради одной из работниц мастерской Соломонины Степановны содержалась шуточная народная пьеса «Мадам Мавруха», главная героиня которой, провожая мужа на тот свет, причитала:

Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест,
Сколько горести напрасной
Я в разлуке должна снести!
Одену черно платье
И в монастырь пойду
И буду тем счастлива,
Что милого люблю! [6, с. 348].

Происхождение сюжета народной драмы «Маврух» берет начало в «покойничках» святочных играх, пародирующих церковное отпевание. Комический эффект усиливается за счет напыщенности и претенциозности первых строк песни, характеризующей саму Мадам Мавруху и выделяющейся из вульгарного разговорного стиля пьесы.

Таким образом, «народная» судьба сентиментального романа М. В. Зубовой может проиллюстрировать сложные взаимоотношения между устной и письменной культурой XVIII–XX вв., особенности песенного фольклора различных социальных групп и формы усвоения народной словесностью стилистических и тематических достижений книжности.

Список литературы

Исследования

- 1 *Бессонов П. А.* Калеки перехожие: сборник стихов и исследований П. Бессонова. М.: Тип. А. Семена, 1863. Ч. 2. 938 с.
- 2 *Кибальник С. А.* Зубова Мария Воиновна // Словарь русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1988. Вып. 1: А-И / отв. ред. А. М. Панченко. С. 342–343.
- 3 *Молчанова Т. С.* «Я в пустыню удаляюсь». Два века песни М. В. Зубовой // Литературные явления и культурные контексты: Материалы коллоквиума молодых ученых-гуманитариев. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного института культуры, 2005. С. 84–108.
- 4 *Молчанова Т. С.* Территориальное развертывание русских песенных традиций Полужья: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2011. 261 с.
- 5 *Русская народная песня.* СПб.: ГНИИ, 2009. Вып. 2: Неизвестные страницы музыкальной истории / сост. В. А. Лапин. 196 с.

Источники

- 6 *Амфитеатров А. В.* Сестры. М.: RUGRAM, 2018. Т. 1. Гнездо. 420 с.
- 7 *Зубова М. В.* Я в пустыню удаляюсь // Русские поэтессы XIX века / сост., вступит. ст., биографические очерки и примеч. Н. В. Банникова. М.: Сов. Россия, 1979. С. 13.
- 8 *Лейкин Н. А.* Шуточные сцены. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1880. 262 с.
- 9 *Мельников П. И.* В лесах. М.: Университетская тип. (Катков и К°), 1875. Ч. 1. 400 с.
- 10 *Мордовцев Д. Л.* Русские женщины нового времени: Биографические очерки из русской истории. Женщины первой половины XVIII века. СПб.: А. Черкесов и К°, 1874. 367 с.
- 11 *Новиков Н. И.* Зубова Марья Воиновна // Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий. СПб.: 1772. 128 с.
- 12 *Песни, собранные П. В. Киреевским: Новая серия / под ред. членов Общества академиков В. Ф. Миллера и проф. М. Н. Сперанского.* М.: Общество любителей российской словесности при Московском университете, 1929. Вып. 1–2. 389 с.
- 13 *Русский фольклор Тункинской долины / Бурятский комплексный научно-исследовательский институт Сибирского отделения АН СССР; общ. ред. и вступ. ст. Л. Е. Элиасова Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1966. 391 с.*
- 14 *Царь Максимилиан // Народный театр / сост., вступ. ст., подгот. текстов и комм. А. Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной.* М.: Современная Россия, 1991. С. 131–150.

© 2023. Anastasija S. Repina
Moscow, Russia

FOLK ADAPTATION OF THE SENTIMENTAL ROMANCE
BY M. V. ZUBOVA “I’M GOING TO THE DESERT”

Abstract: The paper presents the collection and analysis of the folklore adaptations of Maria Zubova's sentimental romance “I am going away into the desert” in the 19th and 20th centuries. The transformation of the author's work in folk song and theatre culture demonstrates a complex interaction between folklore and book poetry. The biography of the author, a representative of the artistic milieu and one of the few female poets of the late 18th century, is reflected in some journal sources (“Materials for the History of Russian Female Authors” by M. N. Makarov) and fiction sources (“Russian Women of New Times” by D. L. Mordovtsev) which confirm possible authorship of the poetess. The study highlights stylistic features of love, spiritual and prison lyrics, as well as the work of folk theatre, which uses the text under study. Women's love songs, including choral songs, vary the motif of infidelity, transform the spiritual meaning of the image of the desert into a symbol of conjugal loneliness. In an Old Believer environment, the work was included in spiritual songs developing a motif of renunciation of the secular life in the wilderness. Researcher P. A. Bessonov discusses the devastating impact of “pseudo-folk” song on Russian spiritual culture. Echoes of the sentimental romance may also be found in the prison lyrics of the 20th century collected from the Siberian narrator I. K. Beketov. The final part of the study deals with the folk drama “King Maximilian”, where the cited text appears as a precedent for the Russian culture, which is proved later by its active use in numerous works of fiction.

Keywords: Russian Song, Romance, Folk Song, Spiritual Lyrics, Prison Song, Precedent Text, Women's Poetry.

Information about the author: Anastasija S. Repina — Postgraduate Student, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St. 1, bldg. 1, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-9145-1933>

E-mail: a.s.repina@mail.ru

Received: November 23, 2021

Approved after reviewing: December 31, 2021

Date of publication: June 28, 2023

For citation: Repina, A. S. “Folk Adaptation of the Sentimental Romance by M. V. Zubova ‘I’m Going to the Desert’.” *Vestnik slavianskikh kul’tur*, vol. 68, 2023, pp. 181–189. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-181-189>

References

- 1 Bessonov, P. A. *Kaleki perekhozhie: sbornik stikhov i issledovaniï P. Bessonova [Passing Cripples: A Collection of Poems and Studies by P. Bessonov]*, part 2. Moscow, Tipografia A. Semena Publ., 1863. 938 p. (In Russ.)
- 2 Kibal’nik, S. A. “Zubova Mariia Voinovna” [“Zubova Maria Voinovna”]. *Slovar’ russkikh pisatelei XVIII veka [Dictionary of Russian Writers of the 18 Century]*, vol 1: A-I, ex. ed. A. M. Panchenko. Leningrad, Nauka Publ., 1988, pp. 342–343. (In Russ.)

- 3 Molchanova, T. S. “‘Ia v pustyniu udaliaius’”. Dva veka pesni M. V. Zubovoi” [“‘I’m Going to the Desert’. Two Centuries of M. V. Zubova’s Song]. *Literaturnye iavleniia i kul’turnye konteksty: Materialy kollokviuma molodykh uchenykh-gumanitariiev* [Literary Phenomena and Cultural Contexts: Proceedings of the Colloquium of Young Humanities Scholars]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University of Culture Publ., 2005, pp. 84–108. (In Russ.)
- 4 Molchanova, T. S. *Territorial’noe razvertyvanie russkikh pesennykh traditsii Poluzh’ia* [Territorial Deployment of the Russian Song Traditions of Poluzhye’s Traditions: PhD Dissertation Thesis]. St. Petersburg, 2011. 261 p. (In Russ.)
- 5 *Russkaia narodnaia pesnia* [Russian Folk Song], vol. 2: Neizvestnye stranitsy muzykal’noi istorii [Unknown Pages of Russian History], comp. V. A. Lapin. St. Petersburg, GNII Publ., 2009. 196 p. (In Russ.)